

Лу Сяоянь, не слушая возражений, закатал рукав Лин Си. При свете фонаря было видно, что на краю ладони содрана кожа, а запястье слегка опухло. Если не принять меры, опухоль может усилиться. Не желая тратить время на разговоры, он огляделся и заметил напротив аптеку, работающую круглосуточно. Он указал на лоб Лин Си:

— Сиди здесь спокойно и жди, я скоро вернусь!

С этими словами он побежал через дорогу.

Когда он, запыхавшись, вернулся с большой сумкой лекарств, дождь прекратился, а Лин Си уже исчез. На месте остались только полосатый кот и старый нищий, которые с интересом наблюдали за ним: один мяукал, другой хихикал.

Лу Сяоянь с раздражением прошелся туда-сюда и с силой швырнул сумку в мусорный бак. Не ожидал, что Лин Си, с его тонкими руками и ногами, окажется таким бегуном.

Он злился не потому, что зря побегал, а потому, что беспокоился за руку Лин Си. Для него эти неповрежденные руки имели особое значение, и он должен был их защищать даже больше, чем самого Лин Си.

Раздравшись, Лу Сяоянь снова начал предаваться мрачным мыслям: может, стоит действительно найти того шарлатана Линь Гуанлэ, чтобы он погадал? Почему каждый раз, когда Лин Си встречается его, с ним случаются неприятности? Просто хотел подарить зонт, а в итоге — вывихнутая рука...

Старый нищий, немного понаблюдав за ним, заскучал и решил порыться в пакете. Он нашел и молча открыл его, сначала достал бутылку медицинского спирта и хлебнул половину, но, видимо, вкус ему не подошел. Затем он вытащил коробку с мазью от отеков и боли, открыл крышку, зачерпнул пальцем и с удовольствием начал жевать. Чмок, чмок, чмок...

Лин Си почувствовал, что, вероятно, действительно столкнулся с маньяком.

Он немного пожалел, что в тот день в баре не был более сдержан, возможно, тогда бы не попал в эту переделку. К тому же это был его первый подобный опыт, и быть на виду у всех, когда тебя трогают за лицо и держат за руку, было уже достаточно противно. Он просто не мог позволить, чтобы кто-то вел себя еще более нагло.

Лин Си жил на Лидао уже два года, пел в нескольких барах и видел множество отвратительных поступков. Почти каждый день пьяные посетители приставали к девушкам, хотя степень их наглости варьировалась. Он даже видел, как мужчин прижимали к стене в туалете и целовали против их воли. Для некоторых представителей мужского пола ночь и день — это два разных мира. Под влиянием алкоголя они могут в любой момент потерять контроль, и найти партнера для секса становится проще, чем выпить чашку кофе на улице.

К счастью, Лин Си всегда вел себя тихо, обычно сидел в углу в бейсболке, вовремя выходил петь, а потом собирал вещи и уходил домой. Поэтому до сих пор он избегал неприятностей. Даже если иногда женщины отпускали в его адрес откровенные шутки, он притворялся наивным и легко уходил от разговора.

В тот день ему просто не повезло. Когда он ждал своего выхода, кто-то пролил кетчуп на его брюки. Он хотел пойти в туалет, чтобы зачистить пятно, но боялся намочить куртку, поэтому снял ее и бросил на пустой диван. Когда он вернулся, то увидел, что какой-то мужчина спит на диване, придавив его одежду. Он несколько раз попытался вытащить ее, но безуспешно, и это

привело к дальнейшей суматохе.

Он думал, что все кончилось, но на следующий день, выходя из бара, снова встретил того мужчину. Нет, точнее, тот мужчина явно его поджидал. Если бы его просто отругали, это было бы не так страшно. Лин Си больше всего боялся, что он начнет устраивать беспорядки в баре. Ведь сейчас его единственный источник дохода — это вечерние выступления. После вычета аренды, еды и других расходов у него почти ничего не оставалось. Если бы он потерял эту работу, ему пришлось бы голодать и жить на улице.

Чтобы его не отследили, Лин Си специально выбрал длинный путь через ночной рынок, а дома сразу запер двери на оба замка. С ненормальными людьми лучше быть осторожным. Вернувшись домой, он не стал заниматься раной на ладони, а первым делом проверил свою гитару. Если бы она отсырела, это могло бы привести к деформации корпуса, ухудшению звука и потере игрового комфорта, а убытки были бы огромны. К счастью, рюкзак был водонепроницаемым, и ни капли дождя не просочилось внутрь.

Без преувеличения, эта гитара была самой ценной вещью, которую он имел. Это был подарок от бабушки на восемнадцатилетие, стоимость которого равнялась его годовой зарплате. Бабушка был учителем музыки, играл на пианино, аккордеоне и даже сочинял собственные песни. Лин Си унаследовал музыкальный талант от бабушки и матери, с детства любил петь и выиграл множество наград на школьных конкурсах. Еще давно бабушка пообещал, что на его восемнадцатилетие подарит ему хорошую гитару. Зарплата учителя была не слишком низкой, чтобы покрывать повседневные расходы бабушки и внука, но накоплений было мало. Когда бабушка привел его в магазин музыкальных инструментов, Лин Си втайне установил для себя не слишком высокий лимит цены. Но как только он взял в руки ту гитару и извлек первую ноту, он влюбился в нее. Увидев, как она ему нравится, бабушка без лишних слов заплатил и купил её.

В тот вечер он был так взволнован, что не мог уснуть. Он один вышел во двор, сел у пруда с новой гитарой и долго сидел, словно глупец. Позже вышел и бабушка, накинув на плечи одежду, и Лин Си начал играть и петь старую песню, которую бабушка очень любил:

Красные цветы цветут на дереве, длинная улица словно горит...

Бабушка слушал, слегка отбивая такт, с блаженством на лице.

Когда песня закончилась, Лин Си спросил:

— Хорошо поешь?

Бабушка, как настоящий фанат, громко хлопал:

— Хорошо, поешь с душой, напомнило мне о прошлом...

Лин Си не успокоился:

— А как по сравнению с мамой? Ты ведь говорил, что она любила петь эту песню. Кто из нас поет лучше?

Бабушка серьезно ответил:

— Конечно, ты лучше. В восемнадцать лет она была не так хороша, да и гитару не умела играть.

Лин Си, довольный, улыбнулся, и на его щеке появилась глубокая ямочка:

— Я так и знал.

При упоминании матери дедушка вдруг замолчал. Мать ушла из дома вскоре после рождения Лин Си, и прошло уже восемнадцать лет. После первых нескольких писем с вестями о том, что с ней все в порядке, больше никаких новостей не было.

Луна была большой и круглой, и дедушка с внуком сидели, прижавшись друг к другу под ее светом. Лин Си, как взрослый, обнял дедушку за плечи и покачивался, утешая его:

— Не волнуйся, однажды я стану самым популярным певцом, выиграю «Золотую мелодию», воплощу все ее мечты и буду гастролировать по всему миру... Когда она увидит меня и услышит мое имя, она обязательно вернется к нам.

Дедушка вздохнул с грустью:

— Но, возможно... ее уже нет в живых.

Лин Си легонько похлопал дедушку по плечу:

— Верь мне, этого не может быть. Говорят, что мать и дитя связаны сердцем. Если бы с ней что-то случилось, я бы почувствовал.

Дедушка посмотрел на Лин Си с умиротворением и, наконец, улыбнулся:

— Хорошо, я поверю тебе. Просто продолжай петь, и я всегда буду поддерживать тебя во всем, как бы искупая вину перед твоей матерью. Надеюсь, однажды она услышит твое имя и действительно вернется к нам — ведь это она сама выбрала для тебя это имя.

Летом того года Лин Си один уехал на Лидао учиться, а чуть больше чем через год дедушка скончался от внезапного сердечного приступа дома. Прошло три дня, прежде чем соседи заметили неладное и вызвали полицию. Когда они взломали дверь, дедушка мирно лежал на диване, словно спал, а рядом магнитофон повторял запись старых песен, которые когда-то пела мать Лин Си. Говорят, жизнь непредсказуема, и случайные слова поддержки стали последним желанием дедушки...

—

Закончили с гитарой, Лин Си рано лег спать. На следующее утро его травмированное запястье покраснело и опухло, став вдвое толще здорового. Пока он не двигал им, было просто неприятно и тянущее, но при малейшем повороте боль пронзала насквозь, и он совсем не мог им пользоваться.

<http://bllate.org/book/16461/1493677>